

Я помню вечер. Сгущались тени,
Светились звёзды мерцаньем зыбким.
Нас было двое. Цвели сирени,
А где-то рядом звучала скрипка.

Нас было двое. Цвели сирени,
И голос скрипки — как соль на раны —
Смычка тугого прикосновенье
Рождало в струнах пассаж сопрано.

Творили чудо душа и руки,
С поющей скрипкой нас стало трое.
И мы стояли, отдавшись звукам,
На Сарасате сердца настроив.

Промчались годы. Из отдаленья
Видна мне снова твоя улыбка...
Мы были юны. Цвели сирени,
Мерцали звёзды и пела скрипка.

КАПРИС ПАГАНИНИ

Светлыми окнами город смеётся,
Улица сквер огибает подковой.
Лето. Июль. Из динамика льётся
Музыка чище воды родниковой.

И, позабыв про мальчишек влюблённых,
Сосредоточенны и солнцелицы,
Десятиклассницы в сквере зелёном
Слушают молча концерт из столицы.

Не замечают, как пёстрою стаей
Голуби важно воркуют пред ними.
Трелью серебряной ввысь улетает
Двадцать четвёртый каприс Паганини.

Солнце сквозь ветви густые сочится,
Липы тенистый раскинули полог..
Где и когда собирал по крупице
Музыку эту великий Никколо?!

Светятся радостью взоры подружек,
Тронуты губы счастливой улыбкой.
Чем-то большим переполнены души,
Бьются сердца, чародействует скрипка...

В жизни всегда мы прекрасное ищем.
Пусть же звучит, как звучал и доньше,
Делая нас благородней и чище
Двадцать четвёртый каприс Паганини!

КЛАНЯЮСЬ

Кланяюсь всему существу под солнцем.

Иоанн Дамаскин (675—753 гг.)

Кланяюсь в пояс полям и лугам,
Рощам, лесам и речным берегам.
Кланяюсь светлым, как небо, прудам,
Чью красоту никому не отдам.

Кланяюсь чудо творящим рукам,
Травам в цветении и родникам,
Бьющим из недр сокровенных земли,
чтоб из них люди напиток могли.

Кланяюсь соснам, осинам, ольхам,
Кланяюсь песням и мудрым стихам,
Музыке кланяюсь, как божеству,
С нею я в дружбе великой живу!

Кланяюсь звёздам и полной луне.
Им, как язычник, в ночной тишине.
Словно средь капища встав к алтарю,
Самозабвенно поклоны творю...

Кланяюсь птицам, что звонко поют,
Рыбам, цветам и лесному зверью.
Кланяюсь жизни. Пусть будет она
Солнцем немеркнущим озарена!..

ФЛЁНОВО

Над холмами и старыми клёнами
Вьётся утренний лёгкий дымок.
Ой ты, Флёново, дивное Флёново,
Тих и сказочен твой теремок!

Скромный крестник Сергея Малютина,
Будь то летом, зимой иль весной,
Свету полный, по-русски уютен он
И пригож, как ларец расписной.

Мужиками смоленскими срубленный,
О минувшем тая свою грусть,
Помнит он Васнецова и Врубеля,
Что в палитре прославили Русь.

Здесь я слышал предание давнее —
Когда ветры в ночи отпоют,
Над резными широкими ставнями
Запевает в ночи Гамаюн.

Услыхав его песню, под звёздами,
О кольчуги щитами звеня,
Выезжают три витязя грозные
На гривастых могучих конях.

Ловят слухом полночные шорохи,
Настороженно смотрят втроём –
Не ведут ли поганые вороги
Басурманское войско своё?..

Но спокойно окрест. В отдалении
Лунный свет на деревьях дрожит,
Мирно спят землепашцы в селениях,
В небесах воронье не кружит.

Только там, у леска, за долиною,
Где рedeющий тает туман,
Угловатый, с бородкой козлиною,
Ходит-бродит таинственный Пан.

Над крутою песчаной излуциной,
Припечатав копытца к тропе,
Со свирелью своей неразлучною
Он садится у речки на пень,

И губами свирели касается,
И глядит, улыбаясь хитро,
Как в весёлую пляску пускаются
Молодые дубки под горой.

Сняв платки, от росы побелевшие,
На веселье осинки спешат.
Лишь одни водяные да лешие
Мелкой дрожью, как в стужу, дрожат.

Страх терзает и души нечистые,
Боль бесовская в столах слышна.
Что за чудо свирель голосистая,
И какая ей сила дана!..

Никнут травы в лугах за туманами,
Что-то шепчут, проснувшись, леса,
И над миром от музыки Пановой
Звёзды ярче блестят в небесах!

Но лишь утро, лучами рассветными,
Разгораясь, коснётся земли,
Исчезают три витязя светлые,
Лёгким облачком тая вдали...

Пан уносит свирель свою звучную,
Что пугала нечистых в ночи,
И, чернея над тихой излучиной,
Только пень одинокий торчит.

Над полями, лесами и плавнями
Новый день начинается поход.
Молкнет вещая птица над ставнями,
Полыхает в полнеба восход.

Ветерок пробегает над клёнами,
В травах искрятся блёстки росы,
Сказка русская, дивное Флёново,
Уголок стародавней Руси.

НЕБО

О небо, небо, облаков сугробы,
Синь высоты, пронизанная светом.
На солнечных, тугих, незримых стропах
Несёт оно родную нам планету.

Мы говорим: безбрежна ширь степная,
Земная ширь, дарующая хлеб нам...
Но тот, кто не был в небе, тот не знает,
Как беспредельно, как безбрежно небо.

Когда прозрачен и недвижим воздух,
А сердце бьётся, требуя простора,
Весенним днём иль зимней ночью звёздной
Мы к небу устремляем наши взоры.

Туда, где вспышки молнии мгновенны,
В миры иные и иные дали,
Туда, где стала явью дерзновенной
Легенда об Икаре и Дедале.

* * *

Откуда ни возьмись, пришла сама
В полночный час ко мне строка о лете.
Хоть знал, что за окном сейчас зима,
Метёт метель и всхлипывает ветер.

Я различил колосьев перезвон,
Заречный луг — раздолье расписное.
И засияла лампа в десять солнц,
И стал мой стол поляною лесною.

Тогда перо я машинально взял,
Охваченный возникшим вдруг смятеньем.
А на моём окне мороз вязал
Узоры из загадочных растений...

И, посмотрев, уже в который раз,
На высохший живых цветов букетик,
Вдруг понял я: так вот где родилась
Моя строка о прошлогоднем лете...

* * *

Солнце дальние дали раздвинуло,
Цветом с яблонь опала весна.
В наши окна потоками хлынула
Неба летнего голубизна.

Глянь за речку на зорьке сиреновой —
Там, в лугах, лучезарен и юн,
От весны эстафету цветения
Принял в тёплые руки июнь.

Выйду в поле — узнаешь, как сладостен
Хлебный дух зацветающей ржи,
Над которой, пьянея от радости,
Небо крыльями режут стрижи.

В тишину птичий гомон вплетается,
В речке солнце, плескаясь, горит.
И незримое, доброе таинство
Лёгкий ветер над полем творит.